

О войне. Избранное

Автор:

[Карл Клаузевиц](#)

О войне. Избранное

Карл фон Клаузевиц

Библиотека военной и исторической литературы

За два достаточно бурных в военном отношении последних столетия фамилия «Клаузевиц» давно уже перекочевала в разряд имен едва ли не нарицательных, а это, наверное, лучше всего и подводит итоги его научной деятельности. Труды Клаузевица представляют собой чуть ли не уникальную попытку на основе актуального и пропитанного личным опытом политизированного материала создать сухой военно-исторический, рациональный и лишенный политической мифологии (насколько это вообще возможно) обзор.

«О войне» представляет собой, несомненно, блестящий опыт аналитики текущих событий, (почти) лишенный магии имен и лозунгов, написанный без типичных ошибок и предубежденности очевидца.

На суд читателя представлены избранные главы из труда «О войне», сопровождаемые предисловием и исчерпывающими комментариями.

В формате PDF A4 сохранен издательский макет.

Карл фон Клаузевиц

О войне. Избранное

© Ланник Л.В., предисловие, комментарии

© Оформление. ООО «Издательство АСТ», 2018

Предисловие

Карл Клаузевиц: два века восприятия

За два достаточно бурных в военном отношении последних столетия фамилия «Клаузевиц» давно уже перекечевала в разряд имен едва ли не нарицательных, а это, наверное, лучше всего и подводит итоги его научной деятельности. Конечно, оттенков его славы достаточно много (ведь его именем называли казармы, газеты, улицы, корабли, институты...), а многие эпитеты далеко не бесспорны, но масштаб эффекта его трудов не осмеливался отрицать даже самый яркий из критиков и его самого, и проклинаемого по обе стороны Атлантики прусско-германского милитаризма. Вероятно, самым логичным следствием этого является то, что спустя существенное время после того, как военная угроза со стороны Германии после двух мировых войн стала безусловно неактуальной, отношение к, казалось бы, хорошо известному военному теоретику стало меняться. Настороженное и вместе с тем деловитое внимание к тезисам клаузевицевской военной теории, вызванное вполне практическими потребностями познания наиболее вероятного противника, сменилось в конце концов отношением к нему лишь как классику стратегической мысли, которому настала пора занять место в ряду политически нейтральных мудрецов прошлого, рядом с Сунь-цзы или по соседству с Макиавелли. Следующим шагом в этом направлении стали ссылки на клаузевицевские принципы и цитаты из него в руководствах по маркетингу и на бизнес-тренингах. Можно заметить, что за популяризацией всегда идет вульгаризация идей, но даже в таком случае последнее лучше, нежели полное их забвение.

Вероятно, почти любой, кто давал себе труд интересоваться военно-политическими темами, сможет сравнительно точно процитировать знаменитое:

«Война – есть продолжение политики иными средствами», положив конец дискуссии этой многократно апробированной формулировкой. На основании этого стремления к восприятию Клаузевица вне его прежней славы, ранее безмерно преувеличиваемой, особенно в Германской империи и в Третьем рейхе, и была предпринята попытка издать не весь главный труд великого пруссака – весьма объемный и все же ориентированный на пристально интересующихся военной историей наполеоновской эпохи, – но только те его главы и части, что касаются не имеющих локального или специализированного содержания теоретических выкладок. Коротко говоря, насколько это возможно, в данной книге приводятся те фрагменты и главы, которые выискивает читатель, желающий теории, стратегических приемов и принципов, не сводимых исключительно к деталям военного дела, а потому вынужденный в полной версии нетерпеливо пролистывать длинные экскурсы в детали кампаний Бонапарта, мало что говорящие нашему современнику и названиями, и фамилиями, и тем более авторскими полунамекками.

Труды Клаузевица представляют собой чуть ли не уникальную попытку на основе актуального и пропитанного личным опытом политизированного материала создать сухой военно-исторический, рациональный и лишенный политической мифологии (насколько это вообще возможно) обзор. «О войне» представляет собой несомненно блестящий опыт аналитики текущих событий, (почти) лишенный магии имен и лозунгов, написанный без типичных ошибок и предубежденности очевидца. При этом Клаузевиц отнюдь не равнодушен, хотя впоследствии ему даже слишком многое приписывали – например, пристрастие к агрессии, хотя он значительно больше внимания уделял обороне. К сожалению, довольно часто при попытке описать заслуги прусского теоретика забывают указать, что он внес важнейший вклад в разъяснение современникам и потомкам того, что нет универсальных рецептов и неизменных «геометрических» правил, по которым гарантирована победа. Разумеется, такое способны понять далеко не все, в том числе и те, кто также полагали себя военными теоретиками. И тем не менее, достойные ученики нашлись: в знаменитой впоследствии формуле одного из создателей Германской империи Мольтке-старшего – «Стратегия есть система подпорок» – видится парафраз рассуждений Клаузевица.

Хочется надеяться, что Клаузевиц не покажется отечественному читателю менее удобным или понятным чтивом, нежели книги других классиков стратегии и геополитики. Основание к этому дает тот факт, что при всех неизбежных особенностях восприятия всякого немецкоязычного теоретического труда именно этот автор был России далеко не чужд, а история изучения его трудов в

России восходит аж к 1836 г. Таким образом, внимание Петербурга трактат «О войне» привлек почти сразу же после его выхода в свет[1 - См., подр.: Rose O. Carl von Clausewitz. Wirkungsgeschichte seines Werkes in Ru?land und der Sowjetunion 1836-1991. M?nchen, 1995.]. Любителям альтернативной истории вполне можно развлечь себя сюжетом, как бы сложилась военная история последних двух веков, в частности ход Первой мировой войны, проживи Клаузевиц чуть дольше, чтобы поспособствовать продвижению своей доктрины, или останься он на русской службе в 1814 г., или если бы ценивший его Николай I все же избрал в качестве главного авторитета для офицеров основанной им Академии Генерального штаба именно менее титулованного пруссака, защищавшего Россию в 1812 г. Но вместо Клаузевица выбор пал на небесспорного по личным своим качествам, да и по военным талантам швейцарца Жомини, перешедшего на службу к Александру I лишь из рвения к очередным званиям и наградам, да еще когда военная удача уже отвернулась от Наполеона, с которым этот честолюбец сполна испытал трагедию Великой армии. При всех достоинствах русского офицерства императорской армии нет никаких сомнений в том, что на стойкость его, боевой дух, инициативу и умение держаться в лихую для Отечества годину пример Клаузевица повлиял бы как никакой иной. Однако судьбе было угодно распорядиться так, что прусская военная мысль долгое время воспринималась через знаменитое «ди эрсте колонне марширт...» в «Войне и мире» Толстого, – а справедливости ради надо отметить, что при герое, произносящем эти фразы, Клаузевиц действительно состоял некоторое время. Политическое и стратегическое содержание трудов Клаузевица в нашей стране заставил пристально изучать лишь высоко ценивший его (вслед за Марксом и особенно Энгельсом) Ленин, но в совершенно иную эпоху. Дальнейшая же история восприятия клаузевицевской теории в Советском Союзе заслуживает отдельной монографии, впрочем уже упомянутой в сноске, так что к ней остается лишь перенаправить заинтересовавшихся. Что же касается биографий Клаузевица, то и их на русском языке отнюдь не много[2 - До сих пор актуальным остается перевод работы Ф. Франца: Франц Ф. Перо и меч. Карл Клаузевиц и его время. М., 1956.], а авторства русскоязычного писателя, по-видимому, до сих пор нет вовсе. Это притом, что, конечно же, недостатка в солидных исследованиях об этом деятеле на иностранных языках (и немецком, и английском и т. д.) нет, но в современных условиях нечасто решаются на перевод толстенных томов. Разумеется, есть большое количество статей, раскрывающих детали жизни и деятельности Клаузевица, особенно на службе России, но в монументальный труд они пока не вылились...

Жизнь и судьба Карла Клаузевица

При всем желании абстрагироваться от частных деталей, безусловно необходимо дать хотя бы краткий обзор жизни и деятельности этого великого военного теоретика, чтобы читателю он не казался ни кабинетным ученым, ни абстрактным любителем военной истории, ни сторонним наблюдателем великих событий, который позволяет себе их столь уверенно разбирать. Даже в самых общих рассуждениях Клаузевица выдаются особенности его биографии, перипетии судьбы его страны, да и всей Европы, а потому, чтобы не лишиться всех результатов его теоретических разработок, читатель просто обязан учитывать ту призму, через которую смотрел на мир этот великий пруссак.

Карл Клаузевиц родился в позднефридриховской Пруссии в 1780 г. в семье чиновника, претендовавшего на дворянскую приставку «фон», которую он получил, фактически присвоив, и далеко не с первой попытки. Уязвленное родовое самолюбие будет преследовать Клаузевица почти всю жизнь, что роднит его с одним из тех, кого называли идейным наследником и практиком его теорий – Э. Людендорфом. Лишь в 1827 г. дворянство военной династии Клаузевицей наконец станет бесспорным. Честолюбие отца, участвовавшего в Семилетней войне и растившего сыновей в преклонении перед Фридрихом Великим, а также его вполне прусское убеждение в том, что главным способом приобрести положение в обществе является военная служба, привели к тому, что и младшего своего сына, вслед за двумя старшими, ставшими впоследствии генералами, он отдал в армию в 12 лет. Поэтому Клаузевица вполне оправданно можно считать участником едва ли не всех антифранцузских коалиций, куда вступала Пруссия. Он принял участие в одной из первых кампаний против революционной Франции, участвуя в боевых действиях под Майнцем уже в 1793 г.

После того как по Базельскому миру 1795 г. Пруссия на долгое время отказалась от активной борьбы против Франции, полк Клаузевица вернулся к мирному распорядку службы, а к тому времени уже получивший звание офицера юноша смог заняться образованием, которое до того было у него в лучшем случае начальным. В 1801 г. ему удалось поступить в только что открытое военное училище в Берлине, где он заручился покровительством будущего великого реформатора прусской армии и ветерана антифранцузских кампаний Г. фон Шарнхорста. В течение следующих трех лет молодой офицер приобрел необходимые познания и кругозор, вышел на новый уровень интеллектуального развития, не без влияния трудов И. Канта, от проекта вечного мира которого он

вполне диалектически и пришел к главной теме своих размышлений – «О войне». После того как Клаузевиц окончил курс лучшим из своих однокашников, он получил назначение адъютантом бывшего ему почти ровесником принца Августа Прусского, приходившегося племянником Фридриху Великому. Это, разумеется, открыло ему дорогу в высший свет, где Клаузевиц познакомился со своей будущей женой Марией фон Брюль, не только навсегда упрочившей его статус своим графским происхождением, но и ставшей его редактором и советником, а затем завершившей главное дело жизни супруга, после смерти мужа издав (за свой счет!) громадный, но неоконченный труд.

В сражении с войсками маршала Даву под Ауэрштедтом 14 октября 1806 г. Клаузевиц бился рядом с командовавшим батальоном Августом Прусским, а также своим учителем Шарнхорстом, пережив сокрушительное поражение прусской армии, ставшее драматическим финалом бывшей прусской славы. Раненый принц, прикрывавший в арьергарде отход остатков разбитой армии, вскоре был взят в плен, а затем вместе с адъютантом доставлен в Берлин, где Клаузевицу довелось выслушивать пренебрежительные фразы Наполеона о том, что он всегда желал мира и не понимает, чего ради вообще Пруссия вступила в войну. Это произвело на молодого патриота неизгладимое впечатление, заставив определиться со своим отношением и к самому завоевателю, и к любым политическим фразам.

Проведя чуть менее года в плену во Франции, где он, крайне болезненно пережив условия Тильзитского мира, продолжил начатые ранее попытки анализа недавних военных кампаний, Клаузевиц вернулся в Берлин, где вскоре вошел в штаб Шарнхорста. После унижительного для Пруссии мирного договора, продиктованного Наполеоном даже не Фридриху Вильгельму III (1797–1840), а его жене, масштабное и принципиальное преобразование вооруженных сил было поручено генералу Шарнхорсту. Его действия наряду с реформами Штейна и Гарденберга подготовили будущее возрождение Пруссии как великой державы. Клаузевиц принял в военных реформах самое активное участие, а Шарнхорст все чаще поручал ему подготовку аналитических записок относительно текущей военно-политической обстановки. Другом Клаузевица стал и еще один выдающийся прусский офицер и создатель армии нового поколения, преемник Шарнхорста на посту главы прусского Генштаба саксонец А. фон Гнейзенау. С 1810 г. майор фон Клаузевиц все более посвящал себя преподаванию тактики и подготовке офицеров Генштаба, став наставником в том числе и для прусских принцев, среди которых был будущий первый кайзер Германской империи Вильгельм I.

В преддверии войны с Россией Клаузевиц, как и многие другие офицеры, просто не смог оставаться на службе в союзной Наполеону армии. Годы они готовили будущий реванш, искали союзников, в знак протеста подавали в отставку или отправлялись на свой страх и риск с предложениями союза в Великобританию, Австрию и Россию. Не дождавшись от малодушного короля Фридриха Вильгельма III согласия на начало маловероятного тогда восстания Пруссии против французской гегемонии, к которому он призывал в своей очередной аналитической записке, Клаузевиц в 1812 г. перешел на русскую службу. Именно здесь судьба преподала ему еще один важнейший для его последующих теоретических штудий урок: он оказался в подчинении у своего соотечественника Карла Пфуля, сделанного Толстым символом оторванной от реальности механистической и линейной военной науки, отставшей от своего века. Лев Николаевич был не вполне справедлив, в размышлениях Пфуля о грядущей кампании против Наполеона было рациональное зерно, однако в чистом виде его построения было воплотить невозможно, а потому план пруссака был отвергнут, а Пфуль вскоре покинул командование действующей армии. Клаузевиц, и сам внесший вклад в дискуссию об авторстве плана стратегического отступления русской армии, ошибочно порой приписывавшегося именно Пфулю, навсегда сделал вывод об опасности увлечения примерами из прошлого, о необходимости быстро и понятно доводить свою мысль до подчиненных и коллег, о важности соотнесения реальности с принципами, на чьи бы авторитеты они ни опирались. После прекратившейся с отъездом Пфуля кабинетной работы Клаузевиц смог наконец вновь проявить себя на поле боя. Вскоре он уже сражался под Витебском, а затем были Смоленск, Бородино, где он участвовал во фланговом рейде русской кавалерии, оборона Риги, против которой действовал прусский вспомогательный корпус. Прусский офицер не мог командовать русскими солдатами, не знал языка, но, как и подобает дворянину, исполнял свой долг перед монархом, который взял его на службу, как мог – личным примером, с саблей в руках.

В войска под общим руководством маркиза Пауллуччи, губернатора остзейских провинций, действовавшие на рижском направлении, он попросился отнюдь не случайно, по-видимому планируя на месте содействовать будущему крушению наполеоновского альянса из сателлитов Франции. Клаузевиц идеально подходил на роль организатора переговоров между прусскими войсками во главе с генералом Йорком и русскими офицерами, тем более что последние были прусского происхождения – Дибич, Дона. История подписания Тауроггенской конвенции 30 декабря 1812 г., положенной в основу освобождения от Наполеона всей Европы, не столь однозначна, однако офицер русской службы Клаузевиц, несомненно, явился одним из творцов перехода Пруссии в лагерь противников

Наполеона даже без предварительного согласия ее короля. Этим поступком и Йорк, и ряд других пруссаков фактически совершали государственную измену, однако последующий Калишский договор о русско-прусском союзе и разгром французских войск к апрелю 1814 г. заставили замять эту историю. Тем не менее мстительный Фридрих Вильгельм III не забыл своего ужаса зимой 1813 г., когда он оказался зажат между еще грозным Наполеоном и волной антифранцузских восстаний и вплоть до «битвы народов» под Лейпцигом играл роль слуги двух господ. Именно поэтому желание Клаузевица как можно скорее вернуться в родную армию отклонялось вплоть до поздней весны 1814 г., когда сведение старых счетов было уже не в интересах прусского двора, получившего в итоге на Венском конгрессе от раздела Французской империи больше всех. Клаузевиц спустя два года службы России, за которую он вскоре получил орден Святого Георгия, опять был принят в прусскую армию с чином полковника. Это позволило ему в конце концов принять участие в кампании против вернувшегося было на трон Наполеона в 1815 г., став одним из очень немногих солдат, кто прошел всю эпоху революционных и Наполеоновских войн. Своего рода эпическим финалом его участия в боевых действиях стала кампания при Ватерлоо, где (по одной из версий) именно Клаузевиц смог убедить Блюхера, отступая, двигаться на соединение с Веллингтоном, а также до конца притягивал к себе корпус так и не явившегося спасти своего императора генерала Груши. Йена и Ауэрштедт были отомщены. Даже если верна строго обратная версия действий Клаузевица в кампании 1815 г., – согласно которой он призывал к осторожности, что могло стоить Веллингтону жизни, – все же факт остается фактом: 35-летний полковник внес свой вклад в окончательный разгром Наполеона.

В мирное время истинные герои освобождения Пруссии и ее преобразования в годы невзгод были королю уже не нужны и неудобны. Не слишком ценили и их реформы, а потому стали отдалять от двора. Клаузевиц, став в 38 лет самым молодым генералом в прусской армии, оказался в заштатном Кобленце, начальником штаба у своего старого друга Гнейзенау. Именно там он и начал писать главный труд своей жизни, остаток дней посвятив его дополнению и редактированию, на что ему не хватило даже 15 лет. Спустя три года он возглавил Всеобщее военное училище в Берлине, однако преподавать там ему не позволили, что было явным признаком недоверия набиравшей силу партии Реставрации и попросту унижением. 12 лет отдал Клаузевиц администрированию там, где должен был бы обучать будущих офицеров Генштаба, что не помешало активно писать все новые главы «О войне» и труды по военной истории, хотя королю не нравилось всякое упоминание и о катастрофе 1806–1807 гг., и рассуждения о важности проведенных затем реформ. Очередная записка Клаузевица о важности сохранения ландвера, о

необходимости поддерживать у подданных ощущение оправданности активного личного участия в защите Отечества, поданная королю в 1819 г., была фактически проигнорирована. Клаузевиц все же остался в этом отношении слишком уж человеком Старого Порядка, он оказался в своей принципиальности достоин И. Канта, учеником которого он может считаться в не меньшей степени, чем Гегель, всегда умевший использовать диалектику и в плоскости личного успеха, и в комфортной гармонии с текущим режимом.

По иронии судьбы такая опала фактически и дала возможность Клаузевицу отдать пятый десяток своей жизни едва ли не целиком науке. Лишь в 1821 г. уже известный военный теоретик был причислен к Генеральному штабу, а в 1827 г. король положил конец двусмысленному положению в вопросе о дворянстве Клаузевицей. Однако утопическое желание Фридриха Вильгельма III, да и ряда других монархов Европы более никогда не иметь дела с революциями, в 1830 г. было окончательно уничтожено серией массовых выступлений у самых границ Пруссии – во Франции, Бельгии, Польше... Назревала масштабная война, а потому Клаузевиц был переведен в Силезию, где под началом все того же Гнейзенау стала формироваться армия на случай боевых действий против польских повстанцев. В ходе русско-польской войны вспыхнула эпидемия холеры, которая перекинулась и на территорию Пруссии. В августе 1831 г. от нее умер Гнейзенау, а принявший от него командование Клаузевиц скончался всего 3 месяца спустя. Была ли это холера или, что вполне возможно, сердечный приступ, до сих пор не выяснено.

Подводя итог этой не самой простой, но стремительной биографии, хочется отметить, что Карл фон Клаузевиц являл собой редкий тип патриота. Его горячая любовь к Родине не мешала ему быть здравомыслящим аналитиком, а готовность к хладнокровной оценке ситуации не превратила его в человека, лишённого каких бы то ни было предпочтений, готового служить сильнейшему или всегда оставаться над схваткой. Характерно, что особенно уникальным этот патриотизм не напоказ, без позерства делает то, что проявлен он был в эпоху рождения современного национализма, в годы вызванного Великой французской революцией и гением Наполеона фихтевского воодушевления взрывом национально-освободительного движения, в обстановке патриотического угара 1813 г. и на фоне формируемого из добровольцев ополчения (фрайкоров). Клаузевиц характером и судьбой, возможно, не так выделяется, как герой антинаполеоновской борьбы граф Йорк фон Вартенбург, однако кто знает, оставил бы в истории этот последний столь заметный след, если бы не его более скромный соратник[3 - См.: Aron R. Clausewitz – Stratege und Patriot // Preußen. Seine Wirkung auf die deutsche Geschichte. Stuttgart, 1985. S. 41–64.]... Клаузевица

можно и нужно считать человеком на стыке эпох, причем не только фридриховской и наполеоновской, но и начавшейся затем Реставрации. Он, имевший все основания полагать Освободительную войну зенитом своей карьеры, все же не пополнил число «рожденных лишь для 1812 г.», как это стало с многими героями той кампании, а также задержавшимися в эпохе бидермайера ветеранами, хваставшимися подвигами тех лет вплоть до 1848 г. так, словно на Святую Елену Наполеона отправили вчера. Истый германский патриот, Клаузевиц оставался пруссаком до мозга костей, его бесспорную готовность служить королю Пруссии не поколебало даже то, что в ту эпоху на троне был один из худших ее королей за всю историю. Именно поэтому Клаузевица можно считать одним из ее символов, наряду с Бисмарком и Великим Курфюрстом. И дело отнюдь не в том, что ему просто удалось выделиться на фоне эпохи, ведь она была, мягко говоря, не бесцветной. Исполинская фигура Наполеона, как и до него (по меньшей мере для любого немца) Фридриха Великого, казалось, может закрыть любого, кто осмелится рассуждать о военном деле. Однако недостатка в великих современниках Клаузевица не было и в иных сферах – Шиллер, Гёте, Гегель, Гумбольдт, и этот список можно легко продолжить... Наш герой не стремился встать с ними в один ряд, но оказался способен на большее, чем нежелезяки просто превозносить великих. И к гениям, и к проблеме гениев и их роли в истории и политике он оказался способен отнестись аналитически, а не эмоционально. Этим он отличается от большинства своих коллег и современников примерно так же, как профессиональный кинокритик от потребителей блокбастеров.

Разумеется, столь крупная фигура должна была, пусть и посмертно, стать предметом мифотворчества. Есть легенды о том, что это великий Клаузевиц раз за разом предсказывал будущий ход военных действий. На основе его ранних записок с анализом военных кампаний утверждается, что он еще в 1805 г. предсказал тяжелейшие проблемы для Наполеона в Польше и его неопровержимое поражение в России. Часто повторяют рассказ, что Клаузевиц (ну, чем не Кутузов накануне Аустерлица?) заранее раскритиковал позиции прусской армии накануне Йены и Ауэрштедта, а случайно нашедший его записку после битвы Наполеон бурно радовался тому, что этого неизвестного офицера в командовании пруссаков никто не услышал. Хватало рассказов и о том, что именно Клаузевиц не дал командованию русских армий согласиться на явно преждевременное генеральное сражение, в том числе под Смоленском и уж тем более в Дрисском лагере, тем самым явно пойдя против мнения своего непосредственного начальства из числа прусских военных корифеев... Все эти легенды, как и всегда в таких случаях, прекрасно отражают лишь позднейший образ их героя, являются попыткой механически перенести в прошлое то, что

стало возможным и очевидным впоследствии, а потому недоказуемы, однако и не лишены кажущейся достоверности. В самом деле, отчего же 26-летнему адъютанту Клаузевицу не высказать догадку, что считавшаяся некогда лучшей армия будет разбита, а уже пережившему горечь разгрома своей страны 32-летнему изгнаннику не предупредить свое новое командование в другой стране об опасности переоценки собственных сил?

Автор нового взгляда на взаимосвязь войны и политики, Клаузевиц в процессе его оценки и встраивания в идеологизированные концепции был окружен и политическим «орнаментом». Разве мог Ленин быть согласен с мракобесом, юнкером или человеконенавистником, ставшим автором идеи тотальной войны? Разумеется, нет, а потому Клаузевиц стал не только идейным создателем прусской новой армии, но жертвой постнаполеоновской реакции. Вряд ли он сам полагал себя жертвой, но и не мог не понимать, что при сложившейся после 1815 г. политической конъюнктуре, – девизом которой была оценка Бурбонам – «они ничего не забыли и ничему не научились», – дальнейшие его усилия по развитию военной мощи Пруссии не могут не казаться излишними, а потому он довольствовался той ролью, что ему оставили, и здесь проявив себя как истинный стратег, а не стяжатель. Может быть, именно поэтому он и способен был писать на темы геополитики тогда, когда Венский порядок, казалось, уничтожил своим балансом всякую к тому необходимость. Судьба отвела ему всего 51 год, а ведь Клаузевиц и не думал о завершении карьеры, он ждал новых войн, потрясений, перераспределения итогов Венского конгресса. Вероятно, он многое мог бы сказать о последствиях сворачивания проведенных в разгромленной Наполеоном Пруссии реформ, сказавшихся уже в 1848 г. Однако он не дожил до первой репетиции мировой революции, а потому его наследие воплощали во славу Пруссии и объединения Германии другие. Первое место среди них занимает Г. фон Мольтке, датский офицер, учившийся в Берлинском военном училище, когда там директорствовал Клаузевиц, и только начинавший карьеру офицера Генштаба, когда тот скончался.

Оценки последователей и потомков

За прошедшие два столетия можно констатировать две противоположные тенденции: 1) либо постоянные попытки поставить автора трактата «О войне» в длинную вереницу «виновных», милитаристов, доведя до преемственности и завершенности убеждение в неискоренимой германской агрессии, либо 2) столь

же упорные усилия его оправдать, вычеркивая из перечисления вместе с теми, кто безусловно стремился к тому, чтобы считать Клаузевица своим учителем, и последовательно утверждал, что свои победы (в 1870, 1914, 1940-м и т. д.) одержал именно по его лекалам. В этом случае Клаузевица оправдывают за счет более упорных обвинений других[4 - См., напр.: Kutz M. „Geschichte als Empirie oder Ideologie? Die Analyse der Revolutions und napoleonischen Kriege bei Clausewitz und ihre Verfallschung im deutschen militärischen Führungsdenken seit Schlieffen // L'influence de la revolution francaise sur les armees en France, en Europe et dans le monde. Vol. 2. P., 1989. P. 321-336.]. И это касается отнюдь не только советской или постсоветской традиции, но и зарубежных специалистов, в том числе и германских. Последние после Второй мировой войны, разумеется, активно занимаются и обличением агрессии со стороны Второго и Третьего рейхов, выступая едва ли не пионерами в идее о преемственности между ними и находя массу последовательных этапов в развитии замыслов, ставших для миллионов людей роковыми[5 - См.: Reemtsma J.P. Die Idee Vernichtungskrieges. Clausewitz – Ludendorff – Hitler // Vernichtungskrieg. Verbrechen der Wehrmacht / hrsg. von H. Heer, K. Naumann. Hamburg, 1995. S. 377-401.]. Редко когда анализ стратегии и манеры действий вермахта, да и его предшественников, обходится без упоминания Клаузевица: от его бесспорных почитателей Мольтке-старшего и Шлиффена, авторов планов молниеносной войны, через исследования страшной «верденской мясорубки» Э. Фалькенгайна и наступления Людендорфа в 1918-м, с обильными ссылками на публицистику автора «В стальных грозах» Э. Юнгера, авторы всегда успешно доводят логику повествования до зверств советско-германского фронта. Сталинская установка относительно Клаузевица тоже была предельно конкретна: Клаузевиц – идеолог фашистской агрессии[6 - См., подр.: Rose O. Carl von Clausewitz. S. 176 ff.]. Разумеется, в аргументах недостатка не было. С другой стороны, всякую идею можно довести до злоупотребления ею. Знаменитый русский и советский историк Е.В. Тарле, автор одной из лучших биографий Наполеона, призванный профессионально оформить указание «сверху», вполне понимал истинное положение дел, но, уже отбыв одну ссылку, спорить с официальной позицией не рисковал. Дискутировать со Сталиным, со свойственной тому безапелляционностью суждений считавшим, что Клаузевиц устарел, что его труд из эпохи «мануфактурной войны», не приходилось...

Клаузевиц занимает немалое место в шедшей дискуссии об авторстве идеи тотальной войны и войны на уничтожение, которая представляет собой ретроспективный поиск виновных. Лишь некоторые авторы все же призывают не акцентировать отдельные фразы, вырванные из контекста, и не возлагать ответственность на тех, чьим наследием воспользовались в преступных целях[7 - См., напр.: Minkler H. Instrumentelle und existenzielle Auffassung des Krieges bei

Carl von Clausewitz // Gewalt und Ordnung. Das Bild des Krieges im politischen Denken. Frankfurt/M., 1992. Некоторые элементы воззрений этого автора на Клаузевица и общее изложение теории империй и стратегий их развития см.: Мюнклер Г. Империи: Логика господства над миром. От Древнего Рима до США / Перев. и комм. Л.В. Ланника. М., 2014.]. Те, кто пытался оправдать Клаузевица, указывали, что якобы верные его последователи из стратегов Третьего рейха, согласно его теориям, делали грубые ошибки, особенно в войне против СССР, что, конечно, не столько оправдывает Клаузевица, который в таких аргументах и не нуждается, сколько лишний раз доказывает злоупотребление его мыслями. В годы холодной войны мысли Клаузевица были еще раз примерены, теперь уже на сценарий атомного конфликта, и вновь были сделаны самые предвзятые выводы о преходящей их ценности и о, наоборот, совершенной и универсальной бесчеловечности. Разумеется, к концу XX в. появились и вполне конструктивные критические отзывы, лишённые всякой политизированности, как, например, у Б. Лиддел-Гарта, и новый виток переоценки, который лишь подтвердил, что универсальных учителей стратегии не бывает, однако это вовсе не повод не обращаться к теоретическому наследию прошлого.

Клаузевиц особенно легко становится жертвой озлобленных спекуляций, ведь он чрезвычайно последователен и истинно-немецки схематичен, и все же, стремясь к правдивости, он порой явно поддается романтическим ноткам или выражается двусмысленно, что и позволяет «заострять» его в любом удобном направлении. Подвели его и накопившиеся за два века терминологические отличия, почти сравнимые порой с погрешностями перевода. Он писал, несомненно, труд философский, в самом высоком значении этого слова, а потому не может быть механически цитируем в иных обстоятельствах и эпохах. При этом введенные им обороты и термины столь часто использовались по отношению к явлениям и приемам из века XX, что нам кажется, что Клаузевиц изначально именно такое содержание в них и вкладывал, что совершенно не верно. Участь трудов Клаузевица лишь немногим лучше подвергавшихся страшным нападкам работ Ф. Ницше, уличенного едва ли не в нацизме за то, что именно его, как и миллионы германских солдат Первой мировой, избрал в свои «учителя» некто А. Шикльгрубер. Ни первого, ни второго из властителей дум не спасли от огульных обвинений даже их бесспорные личные моральные качества и подчеркнутое внимание к проблемам этики, в том числе в политике и в военных действиях. Своего рода логичным следствием обвинений в адрес Клаузевица стало перенесение в 1971 г. его останков из польского с 1945 г. Вроцлава на территорию тогдашней ГДР...

Хотя бундесверу приходилось (и приходится) с крайней осторожностью относиться ко всему, что может быть воспринято как преемственность в милитаристской традиции, надо признать, что актуальности для военных Клаузевиц не теряет, и не только в тех странах, что могут себе позволить более открытое обсуждение жесткой внешней политики[8 - См., напр.: Vad E. Carl von Clausewitz - eine milit?rische Lehre. Untersuchungen zur Bedeutung Clausewitz' f?r die Truppenf?hrung von heute. M?nster, 1983.]. Конечно, действующее в ФРГ и по сей день общество бывших офицеров, генералов и адмиралов германских вооруженных сил (в нем состоят и видные военные историки), названное именем Клаузевица, заявляет лишь о том, что стремится сохранить память о великом военном теоретике, старательно дистанцируясь от какого-либо намека на «практическую» дальнейшую разработку его уроков и рекомендаций. Однако такая концентрация на скорее мемориальной функции вовсе не препятствует попытке переосмыслить его наследие с точки зрения геополитики, то есть того, что современники и последователи долгое время считали лишь второстепенным элементом его рассуждений о стратегии. Вполне вероятно, что вскоре в серии трудов общества Клаузевица появится и том, посвященный ему как геополитику или теоретику воспитания инициативных лидеров и командиров.

Особенности представленного издания

Несмотря на существенно сокращенный объем, в данном издании стремились сохранить манеру и логику изложения автора, свойственную его эпохе и отражающую ментальность и культурный фон выдающегося прусского генштабиста. Разумеется, Клаузевиц оперирует огромным количеством примеров из военной истории XVIII – начала XIX столетия, многие из которых уже давно лишены сколько-нибудь широкой известности или актуальности. Это делает необходимым масштабные пояснения военно-исторического характера, которые призваны, главным образом, лишь пояснить смысл наскоро брошенных Клаузевицем, словно «само собой разумеющихся» намеков и аллюзий, но вовсе не стремятся к созданию исчерпывающего комментария об историческом фоне эпохи Наполеоновских войн. Это вызвано желанием подчеркнуть теоретическую ценность концепций и идей Клаузевица, не заслоняя их излишней фактологией, представлявшейся самому автору, активно и ловко ее использовавшему, столь необходимой и вполне известной будущему читателю.

Советское издание, выпущенное к столетию выхода в свет 10-томного великого труда в 1832–1835 гг., обладает массой достоинств и особенностей, которые могут быть лишь рекомендованы читателю, интересующемуся не только полной версией громадного труда (впоследствии переиздававшегося и в России), но и историей восприятия Клаузевица создателями марксизма-ленинизма, а затем и ведущими теоретиками армии Советского Союза. Комментарии переводчика отражают не только его глубокое преклонение перед Лениным, Марксом и Энгельсом, которым в оценках Клаузевица он доверяет едва ли не абсолютно, но и его желание прокомментировать высказываемые стратегом столетней давности мысли и догадки на основании примеров из недавней (на тот момент) военной истории. Вероятно, схожие по стилю комментариев издания до сих пор выпускаются в Китае, ведь одним из почитателей Клаузевица был Мао Цзэдун. Большинству читателей вряд ли будет интересна история конспектирования Лениным Клаузевица, а потому касающиеся этого процесса и по-своему трогательные комментарии переводчика в настоящем издании сочли возможным убрать. То же касается и приводимых ранее ради точности перевода примечаний к немецкому изданию, делающих честь скрупулезности его подготовки и в Германии, и в СССР, но мало актуальных в сокращенной версии, а также имеющих явно политический характер ремарок, например с критикой «империалистических армий» и «империалистической» же политики некоторых держав середины XIX столетия. Напротив, то, что переводчик считал нужным прокомментировать с точки зрения военной науки межвоенного периода, было сохранено, хотя при редактировании порой было сложно удержаться от дискуссий уже не с автором, а с его переводчиком-марксистом. Так как переводчик воздерживался главным образом от пространных исторических комментариев, вслед за Клаузевицем ориентируясь на читателя, которому событийная сторона известна в достаточной мере, считая, что хорошо подкованным в военной истории такие пояснения не понадобятся, то дополнения к ним, приведенные в данном издании, отмечены особо. Если в примечании специально не оговаривается его авторство, оно было сделано переводчиком, а не редактором.

Таким образом, в связи с необходимостью еще одного потока комментариев к основному повествованию возникает – уже в современном издании – многослойный текст, который до некоторой степени дает представление как об исходных и верных для разных эпох теоретических построениях, так и об определенной традиции их восприятия, о доказательствах или опровержениях на протяжении последующих двух столетий.

В минимально необходимых масштабах было проведено редактирование в сторону более современных транскрипций фамилий и географических названий (но без ущерба исторически сложившейся традиции), терминов и формулировок в тексте, однако при последовательном стремлении не исказить в связи с этим ни стиль Клаузевица, по-своему блестяще сохраненный переводчиком, ни приданные последним оттенок и манера, существенно облегчающие отечественному читателю восприятие вполне немецкого по своему тягучему темпу и неуклонной последовательности теоретического трактата. Следует отметить, что если бы у читателя было желание сравнить это произведение с аналогичными, то он безусловно признал бы изложение Клаузевица сравнительно удобным и сносным по меркам современного стиля.

Хотелось бы пожелать, чтобы впервые предпринятый эксперимент по приспособлению обширного военно-теоретического труда двухвековой данности к потребностям и особенностям современного прочтения смог найти своего читателя и способствовать развитию внимания к стратегическому наследию предшествующих эпох, к переосмыслению его и во вполне практических, но мирных целях.

Кандидат исторических наук, доцент Л.В. Ланник

Часть первая. Природа войны

Глава первая

Что такое война?

1. Введение

Мы предполагаем рассмотреть отдельные элементы нашего предмета, затем отдельные его части и, наконец, весь предмет в целом, в его внутренней связи,

т. е. переходить от простого к сложному. Однако здесь больше чем где бы то ни было необходимо начать со взгляда на сущность целого (войны): в нашем предмете, более чем в каком-либо другом, вместе с частью всегда должно мыслиться целое.

2. Определение

Мы не имеем в виду выступать с тяжеловесным государственно-правовым определением войны; нашей руководящей нитью явится присущий ей элемент единоборства. Война есть не что иное, как расширенное единоборство. Если мы захотим охватить мыслью как одно целое все бесчисленное множество отдельных единоборств, из которых состоит война, то лучше всего вообразить себе схватку двух борцов. Каждый из них стремится при помощи физического насилия принудить другого выполнить его волю; его ближайшая цель – сокрушить противника и тем самым сделать его неспособным ко всякому дальнейшему сопротивлению.

Итак, война – это акт насилия, имеющий целью заставить противника выполнить нашу волю.

Насилие использует изобретения искусств и открытия наук, чтобы противостать насилию же. Незаметные, едва достойные упоминания ограничения, которые оно само на себя налагает в виде обычаев международного права, сопровождают насилие, не ослабляя в действительности его эффекта.

Таким образом, физическое насилие (ибо морального насилия вне понятий о государстве и законе не существует) является средством, а целью [9 - В нашем научном языке термины «политическая цель войны» и «цель военных действий» уже укоренились, и мы сочли возможным сохранить их. Читатель должен, однако, иметь в виду, что в первом случае Клаузевиц употребляет слово «Zweck», а во втором «Ziel». Как ни близки эти оба слова русскому слову «цель», однако они представляют разные оттенки; грубой их передачей явились бы термины: «политический смысл войны», «конечный результат военных действий».] будет – навязать противнику нашу волю. Для вернейшего достижения этой цели мы должны обезоружить врага, лишить его возможности сопротивляться.

Понятие о цели собственно военных действий и сводится к последнему. Оно заслоняет цель, с которой ведется война, и до известной степени вытесняет ее, как нечто непосредственно к самой войне не относящееся.

3. Крайняя степень применения насилия

Некоторые филантропы могут, пожалуй, вообразить, что можно искусственным образом без особого кровопролития обезоружить и сокрушить и что к этому-де именно и должно тяготеть военное искусство. Как ни соблазнительна такая мысль, тем не менее она содержит заблуждение, и его следует рассеять. Война – дело опасное, и заблуждения, имеющие своим источником добродушие, для нее самые пагубные. Применение физического насилия во всем его объеме никоим образом не исключает содействия разума; поэтому тот, кто этим насилием пользуется, ничем не стесняясь и не щадя крови, приобретает огромный перевес над противником, который этого не делает. Таким образом, один предписывает закон другому; оба противника до последней крайности напрягают усилия; нет других пределов этому напряжению, кроме тех, которые ставятся внутренними противодействующими силами.

Так и надо смотреть на войну; было бы бесполезно, даже неразумно из-за отвращения к суровости ее стихии упускать из виду ее природные свойства. Если войны цивилизованных народов гораздо менее жестоки и разрушительны, чем войны диких народов, то это обуславливается как уровнем общественного состояния, на котором находятся воюющие государства, так и их взаимными отношениями. Война исходит из этого общественного состояния государств и их взаимоотношений, ими она обуславливается, ими она ограничивается и умеряется. Но все это не относится к подлинной сути войны и притекает в войну извне. Введение принципа ограничения и умеренности в философию самой войны представляет полнейший абсурд.

Борьба между людьми проистекает в общем счете из двух совершенно различных элементов: из враждебного чувства и из враждебного намерения. Существенным признаком нашего определения мы выбрали второй из этих элементов как более общий. Нельзя представить даже самого первобытного, близкого к инстинкту, чувства ненависти без какого-либо враждебного намерения; между тем часто имеют место враждебные намерения, не сопровождаемые абсолютно никаким или, во всяком случае, не связанным с особо выдающимся чувством вражды. У диких народов господствуют намерения,

возникающие из эмоции, а у народов цивилизованных – намерения, обуславливаемые рассудком.

Однако это различие вытекает не из существа дикого состояния или цивилизации, а из сопровождающих эти состояния обстоятельств, организации и пр. Поэтому оно может и не иметь места в отдельном случае, но большей частью оно оказывается налицо; словом, и цивилизованные народы могут вспылать взаимной ненавистью.

Отсюда ясно, как ошибочно было бы сводить войну между цивилизованными народами к голому рассудочному акту их правительств и мыслить ее как нечто все более и более освобождающееся от всякой страсти. В последнем случае достаточно было бы оценить физические массы противостоящих вооруженных сил и, не пуская их в дело, решить спор на основе отношения между ними, т. е. подменить реальную борьбу решением своеобразной алгебраической формулы.

Теория двинулась уже было по этому пути, но недавние войны[10 - Подразумеваются Наполеоновские войны.] излечили нас от подобных заблуждений. Раз война является актом насилия, то она неминуемо вторгается в область чувства. Если последнее и не всегда является ее источником, то все же война более или менее тяготеет к нему, и это «более или менее» зависит не от степени цивилизованности народа, а от важности и устойчивости враждующих интересов.

Таким образом, если мы видим, что цивилизованные народы не убивают пленных, не разоряют сел и городов, то это происходит от того, что в руководство военными действиями все более и более вмешивается разум, который и указывает более действенные способы применения насилия, чем эти грубые проявления инстинкта.

Изобретение пороха и постепенное усовершенствование огнестрельного оружия в достаточной мере свидетельствуют о том, что и фактический рост культуры нисколько не парализует и не отрицает заключающегося в самом понятии войны стремления к истреблению противника. Итак, мы повторяем свое положение: война является актом насилия и применению его нет предела; каждый из борющихся предписывает закон другому; происходит соревнование, которое теоретически должно было бы довести обоих противников до крайностей. В этом и заключается первое взаимодействие и первая крайность, с которыми мы сталкиваемся.

4. Цель – лишить противника возможности сопротивляться

Выше мы отметили, что задача военных действий заключается в том, чтобы обезоружить противника, лишить его возможности сопротивляться. Теперь покажем, что это определение является необходимым для теоретического понимания войны.

Чтобы заставить противника выполнить нашу волю, мы должны поставить его в положение более тяжелое, чем жертва, которую мы от него требуем; при этом, конечно, невыгоды этого положения должны, по крайней мере на первый взгляд, быть длительными, иначе противник будет выжидать благоприятного момента и упорствовать.

Таким образом, всякие изменения, вызываемые продолжением военных действий, должны ввести противника в еще более невыгодное положение; по меньшей мере таково должно быть представление противника о создавшейся обстановке. Самое плохое положение, в какое может попасть воюющая сторона, это – полная невозможность сопротивляться. Поэтому, чтобы принудить противника военными действиями выполнить нашу волю, мы должны фактически обезоружить его или поставить в положение, очевидно угрожающее потерей всякой возможности сопротивляться. Отсюда следует, что цель военных действий должна заключаться в том, чтобы обезоружить противника, лишить его возможности продолжать борьбу, т. е. сокрушить его.

Война не может представлять действия живой силы на мертвую массу и при абсолютной пассивности одной стороны она вообще невысказима. Война всегда является столкновением двух живых сил; поэтому конечная цель военных действий (сокрушение противника) должна иметься у обеих сторон. Таким образом, мы опять встречаемся с процессом взаимодействия. Пока противник не сокрушен, я должен опасаться, что он сокрушит меня: следовательно, я не властен в своих действиях, потому что противник мне диктует законы точно так же, как я диктую ему их. Это и есть второе взаимодействие, приводящее ко второй крайности.

5. Крайнее напряжение сил

Чтобы сокрушить противника, мы должны соразмерить наше усилие с силой его сопротивления; последняя представляет результат двух тесно сплетающихся факторов: размер средств, которыми он располагает, и его воля к победе.

Размер средств противника до некоторой степени поддается определению (хотя и не вполне точному), потому что здесь все сводится к цифрам. Гораздо труднее учесть его волю к победе; мерилom здесь могут быть только побуждения, толкающие противника на войну. Определив указанным способом (с известной степенью вероятности) силу сопротивления противника, мы соразмеряем наши силы и стремимся достичь перевеса или, в случае невозможности этого, доводим их до наивысшей доступной нам степени. Но к тому же стремится и наш противник; отсюда вновь возникает соревнование, заключающее в самом своем понятии устремление к крайности. Это составляет третье взаимодействие и третью крайность, с которыми мы сталкиваемся.

6. Мера действительности

Витая в области отвлеченных понятий, рассудок нигде не находит пределов и доходит до последних крайностей. И это вполне естественно, так как он имеет дело с крайностью – с абстрактным конфликтом сил, предоставленных самим себе и не подчиненных никаким иным законам, кроме тех, которые в них самих заложены.

Поэтому, если бы мы захотели взять отвлеченное понятие войны как единственную отправную точку для определения целей, которые мы будем выдвигать, и средств, которые мы будем применять, то мы непременно при наличии постоянного взаимодействия между враждующими сторонами попали бы в крайности, представляющие лишь игру понятий, выведенных при помощи едва заметной нити хитроумных логических построений. Если, строго придерживаясь абсолютного понимания войны, разрешать одним росчерком пера все затруднения и с логической последовательностью придерживаться того взгляда, что необходимо быть всегда готовым встретить крайнее сопротивление и самим развивать крайние усилия, то такой росчерк пера являлся бы чисто книжной выдумкой, не имеющей никакого отношения к действительности.

Если даже предположить, что этот крайний предел напряжения есть нечто абсолютное, которое легко может быть установлено, то все же приходится

сознаться, что человеческий дух с трудом подчинился бы таким логическим фантазмагориям. Во многих случаях потребовалась бы бесполезная затрата энергии; она встретила бы противовес в других принципах государственной политики; явилась бы надобность в таком усилии воли, которое не находилось бы в соответствии с намеченной целью, а потому и не могло бы быть достигнуто, ибо человеческая воля никогда не черпает своей силы из логических ухищрений.

Совершенно иная картина представляется в том случае, когда мы от абстракции перейдем к действительности. В области отвлеченного над всем господствовал оптимизм. Мы представляли себе одну сторону такой же, как и другая. Каждая из них не только стремилась к совершенству, но и достигла его. Но возможно ли это в действительности? Это могло бы иметь место лишь в том случае:

1) Если бы война была совершенно изолированным актом, возникающим как бы по мановению волшебника и не связанным с предшествующей государственной жизнью.

2) Если бы она состояла из одного решающего момента или из ряда одновременных столкновений.

3) Если бы она сама в себе заключала окончательное решение, т. е. заранее не подчинялась бы влиянию того политического положения, которое сложится после ее окончания.

7. Война никогда не является изолированным актом

Относительно первого условия надо заметить, что противники не являются друг для друга чисто отвлеченными лицами; не могут они быть отвлеченными и в отношении того фактора в комплексе сопротивления, который не покоится на внешних условиях, а именно – воли. Эта воля не есть что-то вовсе неизвестное; ее «завтра» делается сегодня. Война не возникает внезапно; подготовка ее не может быть делом одного мгновения. А потому каждый из двух противников может судить о другом на основании того, что он есть и что он делает, а не на основании того, чем он, строго говоря, должен был бы быть и что он должен был бы делать.

Человек же вследствие своего несовершенства никогда не достигнет предела абсолютно совершенного, и таким образом проявление недочетов с обеих сторон служит умеряющим началом.

8. Война не состоит из одного удара, не имеющего протяжения во времени

Второй пункт наводит на следующие замечания. Если бы война решалась одним или несколькими одновременными столкновениями, то все приготовления к этому столкновению обладали бы тенденцией к крайности, потому что всякое упущение было бы непоправимым. В таком случае приготовления противника, поскольку они нам известны, были бы единственным предметом из мира действительности, который давал бы нам некоторое мерило, все же остальное принадлежало бы абстракции. Но раз решение войны заключается в ряде последовательных столкновений, то естественно, что каждый предшествующий акт со всеми сопровождающими его явлениями может служить мерилом для последующего; таким образом, и здесь действительность вытесняет отвлеченное и умеряет стремление к крайности.

Несомненно, что всякая война заключалась бы в одном решительном или нескольких одновременных решающих столкновениях, если бы предназначенные для борьбы средства выставлялись или могли бы быть выставлены сразу. Неудача в решающем столкновении неизбежно уменьшает средства борьбы, и если бы они все были применены в первом же сражении, то второе было бы невыносимо. Военные действия, которые имели бы затем место, по существу являлись бы только продолжением первого.

Однако мы видели, что уже в подготовке к войне учет конкретной обстановки вытесняет отвлеченные понятия и на замену предпосылки крайнего напряжения вырабатывается какой-то реальный масштаб; таким образом, уже по одной этой причине противники в своем взаимодействии не дойдут до предела напряжения сил и не все силы будут выставлены с самого начала.

Но и по природе и характеру этих сил они не могут быть применены и введены в действие все сразу. Эти силы: собственно вооруженные силы, страна с ее поверхностью и населением и союзники.

Страна с ее территорией и населением, помимо того что она является источником всех вооруженных сил в собственном смысле этого слова,

составляет сама по себе одну из основных величин, определяющих ход войны; часть страны образует театр военных действий; не входящие в последний области оказывают на него заметное влияние.

Конечно, можно допустить, что одновременно вступят в дело все подвижные боевые силы; но это невозможно в отношении крепостей, рек, гор, населения и пр., словом, всей страны, если последняя не настолько мала, чтобы первый акт войны мог охватить ее целиком. Далее, сотрудничество союзников не зависит от воли воюющих сторон. В природе международных отношений заложены факторы такого порядка, которые обуславливают вступление союзников в войну лишь позднее; иногда они окажут помощь только для восстановления уже утраченного равновесия.

В дальнейшем изложении мы подробно остановимся на рассмотрении того обстоятельства, что часть сил сопротивления, которая не может сразу быть приведена в действие, часто составляет гораздо более значительную их долю, нежели это кажется на первый взгляд; благодаря этому, даже в тех случаях, когда первое решительное столкновение разыгрывается с большой мощью и в значительной мере нарушает равновесие сил, все же последнее может быть восстановлено. Здесь мы ограничимся лишь указанием, что природа войны не допускает полного одновременного сбора всех сил. Это обстоятельство само по себе не может служить основанием к тому, чтобы понижать напряжение сил для первого решительного действия: ведь неблагоприятный исход первого столкновения является всегда существенным ущербом, которому никто добровольно подвергаться не станет. Чем значительнее будет первый крупный успех, тем благотворнее его влияние на последующие, несмотря на то что он не является единственным, определяющим конечную победу. Однако предвидение возможности отсрочить достижение победы приводит к тому, что человеческий дух в своем отвращении к чрезмерному напряжению сил прикрывается этим предлогом и не сосредотачивает и не напрягает своих сил в должной мере в первом решительном акте. Все те упущения, которые одна сторона ошибочно допускает, служат объективным основанием для другой стороны к снижению своего напряжения; здесь опять возникает взаимодействие, благодаря которому стремление к крайности низводится до степени умеренного напряжения.

9. Исход войны никогда не представляет чего-то абсолютного

Наконец, даже на окончательный, решающий акт всей войны в целом нельзя смотреть как на нечто абсолютное, ибо побежденная страна часто видит в нем лишь преходящее зло, которое может быть исправлено в будущем последующими, политическими отношениями. Насколько такой взгляд должен умерять напряжение и интенсивность усилий, – ясно само собой.

10. Действительная жизнь вытесняет крайности и отвлеченные понятия

Таким образом, война освобождается от сурового закона крайнего напряжения сил. Раз перестают бояться и добиваться крайности, то рассудок получает возможность устанавливать пределы потребного напряжения сил. В основу ложатся явления действительной жизни, возможности которых подвергаются оценке. Раз оба противника уже перестали быть отвлеченными понятиями, а являются индивидуальными государствами и правительствами, раз война уже не отвлеченное понятие, а своеобразно складывающийся ход действий, то данными для раскрытия неизвестного будут служить действительные явления.

На основе состояния, характера и политики противника каждая из борющихся сторон будет строить, руководясь теорией вероятности, свою оценку его намерений и соответственно намечать собственные действия.

11. Политическая цель войны вновь выдвигается на первый план

Здесь снова в поле нашего исследования попадает тема, которую мы уже рассматривали (п. 2): политическая цель войны. Закон крайности – намерение сокрушить противника, лишить его возможности сопротивляться – до сих пор в известной степени заслонял эту цель. Но поскольку закон крайности бледнеет, а с ним отступает и стремление сокрушить противника, политическая цель снова выдвигается на первый план. Если все обсуждение потребного напряжения сил представляет лишь расчет вероятностей, основывающийся на определенных лицах и обстоятельствах, то политическая цель как первоначальный мотив должна представлять весьма существенный фактор в этом комплексе. Чем меньше та жертва, которую мы требуем от нашего противника, тем вероятно меньше будет его сопротивление. Но чем ничтожнее наши требования, тем слабее будет и наша подготовка. Далее, чем незначительнее наша политическая цель, тем меньшую цену она имеет для нас и тем легче отказаться от ее достижения; а потому и наши усилия будут менее значительны.

Таким образом, политическая цель, являющаяся первоначальным мотивом войны, служит мерилем как для цели, которая должна быть достигнута при помощи веерных действий, так и для определения объема необходимых усилий. Так как мы имеем дело с реальностью, а не с отвлеченными понятиями, то и политическую цель нельзя рассматривать абстрактно, саму в себе: она находится в зависимости от взаимоотношений двух государств. Одна и та же политическая цель может оказывать весьма неодинаковое действие не только на разные народы, но и на один и тот же народ в разные эпохи. Поэтому политическую цель можно принимать за мерило, лишь отчетливо представляя ее действие на народные массы, которые она должна всколыхнуть. Вот почему на войне необходимо считаться с природными свойствами этих масс. Легко понять, что результаты нашего расчета могут быть чрезвычайно различны, в зависимости от того, преобладают ли в массах элементы, действующие на напряжение войны в повышательном направлении или в понижательном. Между двумя народами, двумя государствами может оказаться такая натянутость отношений, в них может скопиться такая сумма враждебных элементов, что совершенно ничтожный сам по себе политический повод к войне вызовет напряжение, далеко превосходящее значимость этого повода, и обусловит подлинный взрыв.

Все это касается усилий, вызываемых в обоих государствах политической целью, а также цели, которая будет поставлена военным действиям. Иногда политическая цель может совпасть с военной, например, завоевание известных областей. Порою политическая цель не будет пригодна служить оригиналом, на основании которого можно сформулировать цель военных действий.

Тогда в качестве последней должно быть выдвинуто нечто, могущее считаться эквивалентным намеченной политической цели и пригодным для обмена на нее при заключении мира. Но и при этом надо иметь в виду индивидуальные особенности заинтересованных государств. Бывают обстоятельства, при которых эквивалент должен значительно превышать размер требуемой политической уступки, чтобы достичь последней. Политическая цель имеет тем более решающее значение для масштаба войны, чем равнодушнее относятся к последней массы и чем менее натянуты в прочих вопросах отношения между обоими государствами. Тогда только ею определяется степень обоюдных усилий.

Раз цель военных действий должна быть эквивалентна политической цели, то первая будет снижаться вместе со снижением последней и притом тем сильнее,

чем полнее господство политической цели. Этим объясняется, что война, не насилая свою природу, может воплощаться в весьма разнообразные по значению и интенсивности формы, начиная от войны истребительной и кончая выставлением обсервационных частей. Последнее приводит нас к новому вопросу; нам предстоит его развить и дать ответ.

12. Этим еще не объясняются паузы в развитии войны

Как бы ни были незначительны взаимные политические требования обоих противников, как ни слабы выдвинутые с обеих сторон силы, как ни ничтожна задача, поставленная военными действиями, – может ли развитие войны замереть хотя бы на одно мгновение? Это – вопрос, проникающий глубоко в самую сущность предмета.

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Примечания

1

См., подр.: Rose O. Carl von Clausewitz. Wirkungsgeschichte seines Werkes in Ru?land und der Sowjetunion 1836–1991. M?nchen, 1995.

2

До сих пор актуальным остается перевод работы Ф. Франца: Франц Ф. Перо и меч. Карл Клаузевиц и его время. М., 1956.

3

См.: Aron R. Clausewitz – Stratege und Patriot // Preußen. Seine Wirkung auf die deutsche Geschichte. Stuttgart, 1985. S. 41–64.

4

См., напр.: Kutz M. „Geschichte als Empirie oder Ideologie? Die Analyse der Revolutions und napoleonischen Kriege bei Clausewitz und ihre Verfestigung im deutschen militärischen Führungsdenken seit Schlieffen // L'influence de la revolution francaise sur les armees en France, en Europe et dans le monde. Vol. 2. P., 1989. P. 321–336.

5

См.: Reemtsma J.P. Die Idee Vernichtungskrieges. Clausewitz – Ludendorff – Hitler // Vernichtungskrieg. Verbrechen der Wehrmacht / hrsg. von H. Heer, K. Naumann. Hamburg, 1995. S. 377–401.

6

См., подр.: Rose O. Carl von Clausewitz. S. 176 ff.

7

См., напр.: Mönkler H. Instrumentelle und existenzielle Auffassung des Krieges bei Carl von Clausewitz // Gewalt und Ordnung. Das Bild des Krieges im politischen Denken. Frankfurt/M., 1992. Некоторые элементы воззрений этого автора на Клаузевица и общее изложение теории империй и стратегий их развития см.: Мюнклер Г. Империи: Логика господства над миром. От Древнего Рима до США / Перев. и комм. Л.В. Ланника. М., 2014.

8

См., напр.: Vad E. Carl von Clausewitz – eine militärische Lehre. Untersuchungen zur Bedeutung Clausewitz' für die Truppenführung von heute. Münster, 1983.

9

В нашем научном языке термины «политическая цель войны» и «цель военных действий» уже укоренились, и мы сочли возможным сохранить их. Читатель должен, однако, иметь в виду, что в первом случае Клаузевиц употребляет слово «Zweck», а во втором «Ziel». Как ни близки эти оба слова русскому слову «цель», однако они представляют разные оттенки; грубой их передачей явились бы термины: «политический смысл войны», «конечный результат военных действий».

10

Подразумеваются Наполеоновские войны.

Купить: https://tellnovel.com/ru/klauzevic_karl/o-voyne-izbrannoe

Текст предоставлен ООО «ИТ»

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: [Купить](#)